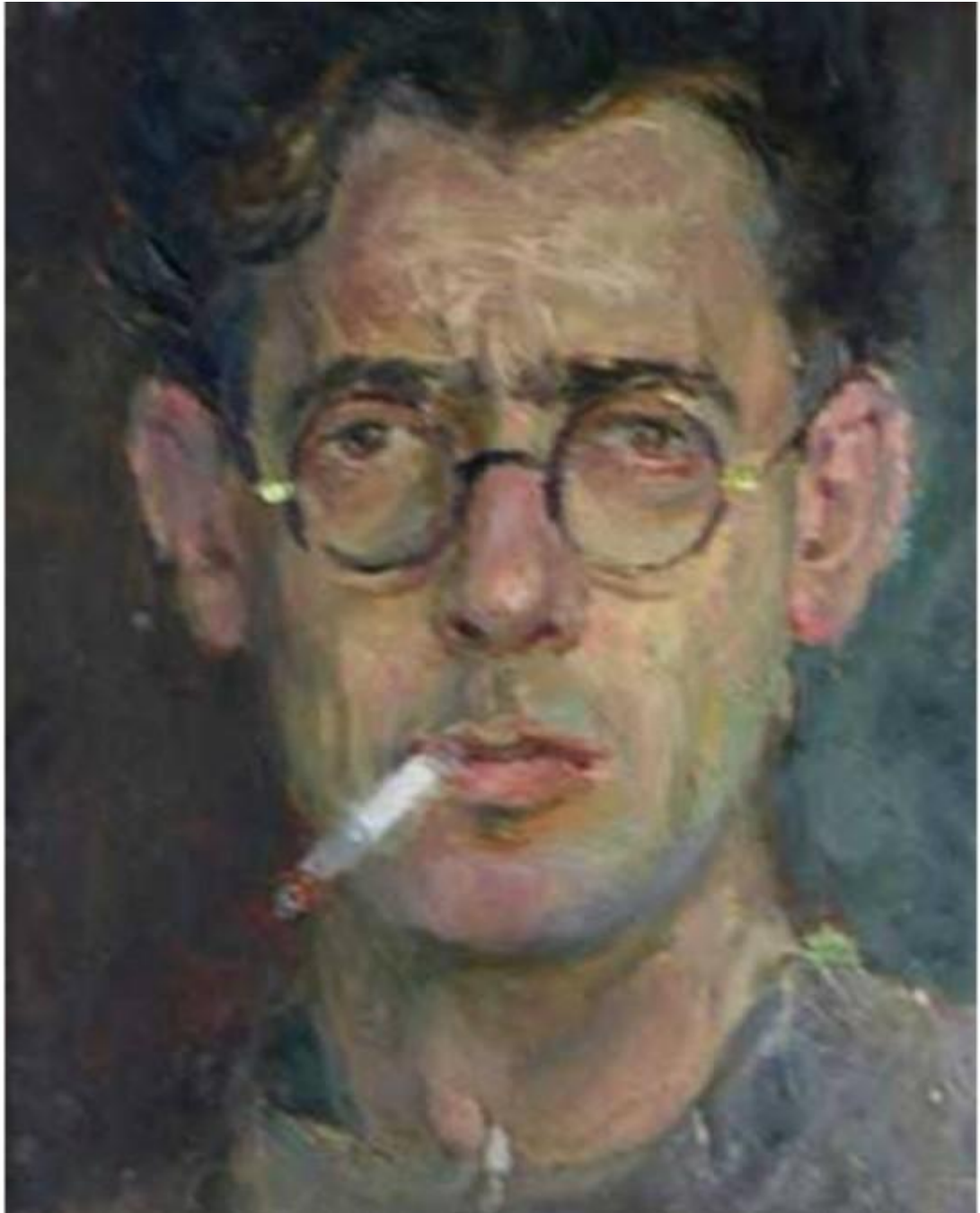

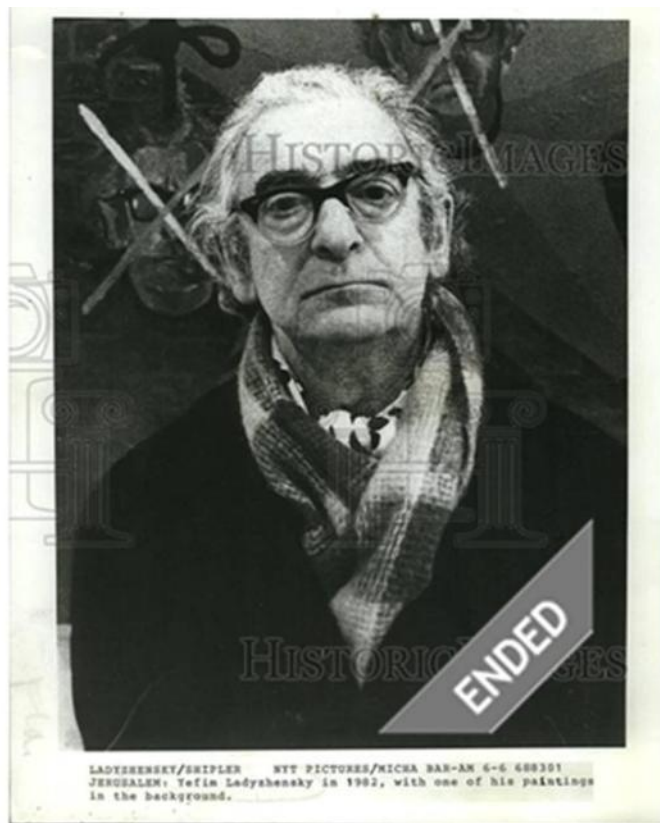
Мой отец - художник
Документальный рассказ

Это автопортрет довоенных лет. Ни разу не
прогнувшись перед властью, непреклонно
придерживаясь своих жизненных принципов, не раз

рискуя свободой, в возрасте 67 лет в Советской России приходит мой отец к бабелевскому ощущению (И.Бабель являлся его художественным кумиром): "Разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде".

А вот и сегодняшнее подтверждение панихиды: продаётся трагедия за 20 долларов на ebay. Этот фотопортрет (автор Миха Бар-Ам) был сделан в марте 1982 года, в выставочном зале дома художников в Иерусалиме, на последней прижизненной выставке Ефима Ладыженского (жизнь в нём тогда уже еле тлела), по заказу корреспондента New-York Times Дэвида Шиплера.

Item condition:
Ended:
Jan 23, 2013 20:22:31 PST
Price:
US \$20.00
Shipping:
\$4.99 USPS First Class Mail Intl / First Class Package Intl Service
Item location:
United States

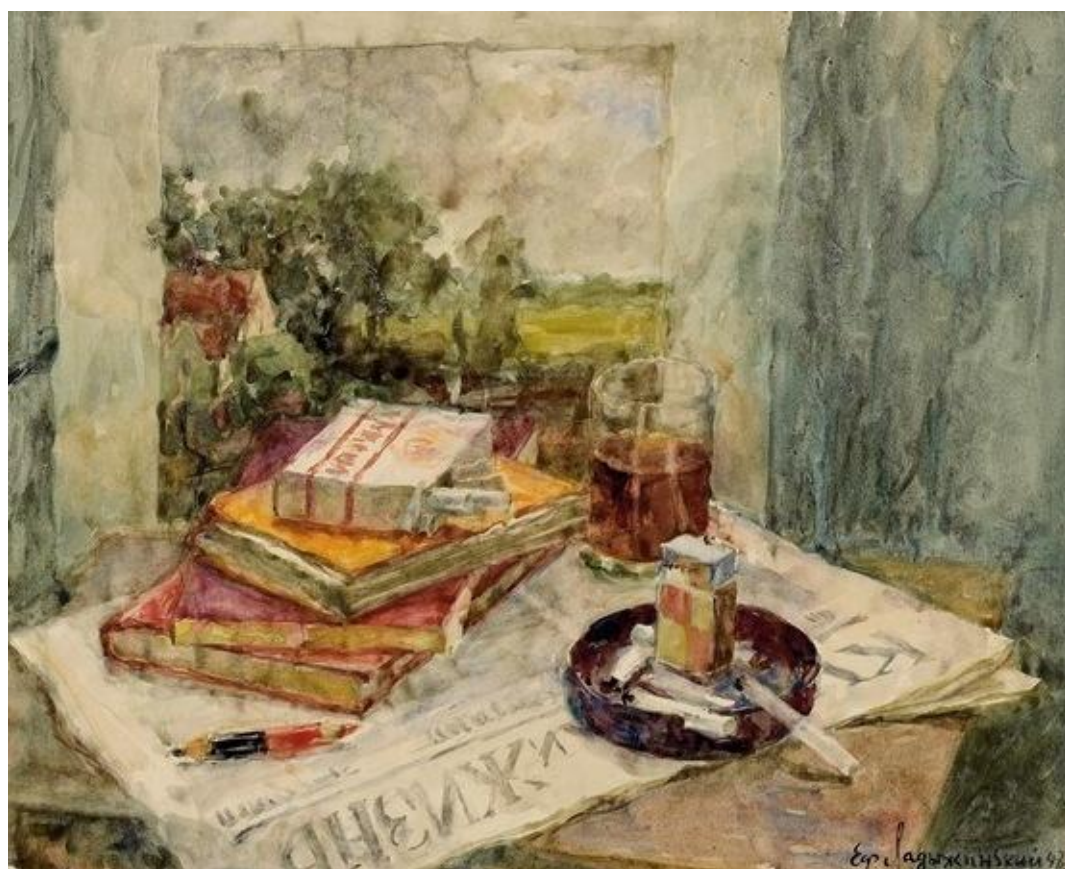
40-е – 50-е годы

... "Придание явлению вечности средствами
изобразительными,
музыкальными, литературными – и есть
произведение искусства.

Я – художник натурный. Но это не значит фигуративный.
Здесь под фигуративным подразумевается узнаваемость
изображаемого.

Под определением "натурный" я понимаю,
что изображённое, написанное, нарисованное,
вылепленное
увидено, осмыслено и осознано художником в жизни."
Ефим Ладыженский

Эти акварели придают абсолютно неприглядному быту нашей семьи очень даже привлекательный вид. С пачкой папирос, кочующей из акварели в акварель, связана следующая история: в военные годы мой папа оформлял выездные спектакли для армии в Московском драмтеатре Ф.Н.Каверина; получаемый продуктовый паёк целиком отдавал семье, а сам держался исключительно на чае и папиросах до тех пор, пока не образовалась тяжелейшая язва желудка; он проявил невероятное мужество, выдержав сложнейшую операцию без наркоза (война); под запретом курить не выкинул последнюю начатую пачку, ту самую, что на натюрмортах, испытывая свою волю, и больше никогда не возвращался к курению. "Бытовала" наша семья (папа, мама,

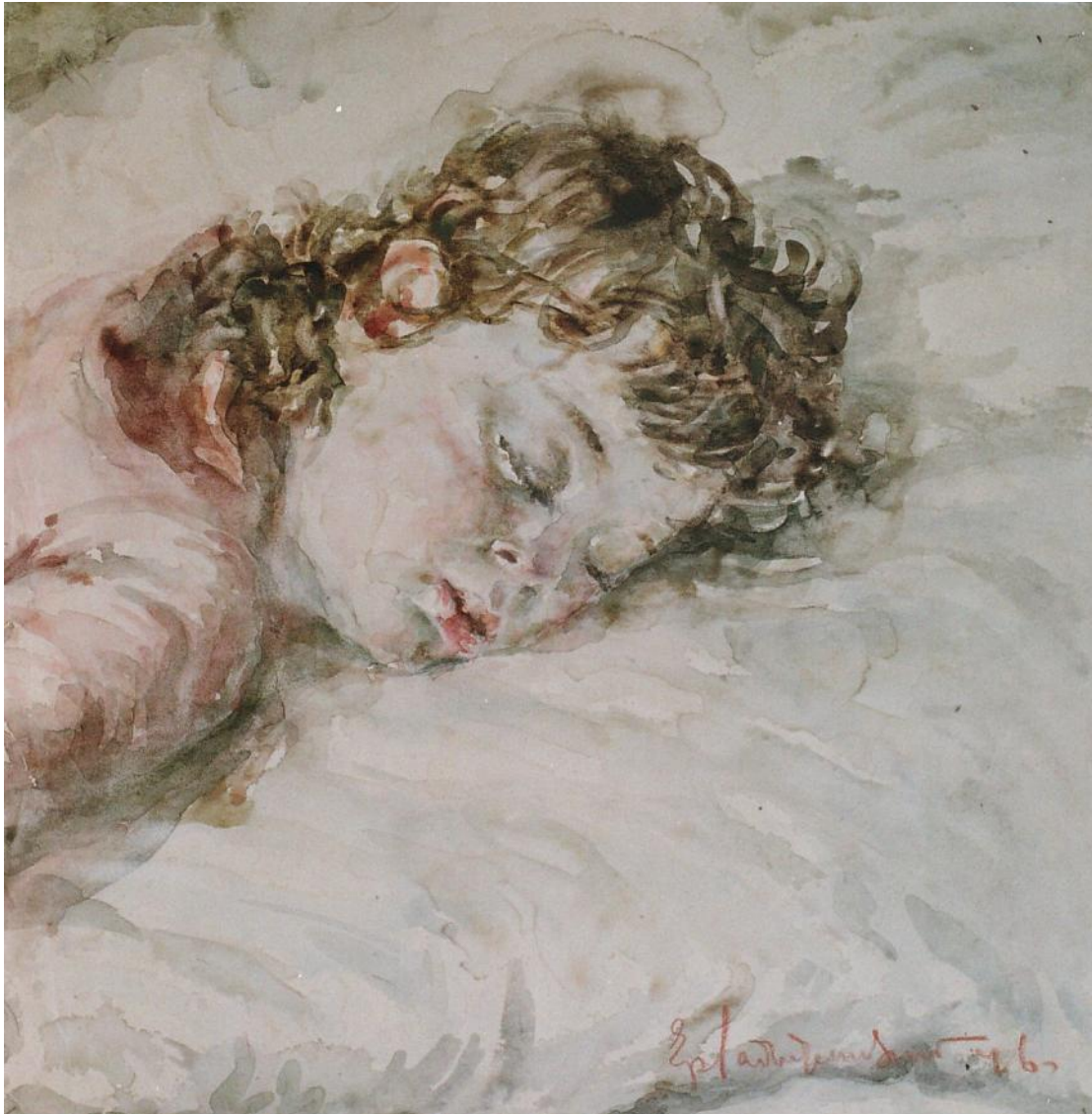
мой старший брат

(болел Витя на моей кровати),
моя бабушка,

папина мама (на изображённой фотографии пропавший без вести на ВОВ папин старший брат Володя) и я)

в комнатухе, одной из тех 38, на которые " одна уборная", в бараке, кем-то обозванном "Домом ИТР" (инженерно-технических работников). Ни одного, кроме мамы, инженерно-технического работника в том разваливающемся, на деревянных подпорках, да ещё двухэтажном жилище не проживало. Соседи наши отличались колоритом, тем самым, по Алексею Толстому или по Хармсу, а их детям и нам с братом было очень даже комфортно и интересно расти в тех, как сегодня кажется, диких условиях. В центре нашего жизненного пространства, сильно урезанного занавеской, за которой теснились оловянные тазы и ванная, столиком с керосинкой, нашей гордостью – книжными шкафом и

этажеркой, родительским диваном-лежанкой и моей принцессной кроватью (бабушка и брат коротали ночи на раскладушках) находился люк подвала, хранившего продукты и папины профессиональные принадлежности. Наши детские друзья приглашались взглянуть на книжный шкаф, не на его содержимое, а на стеклянные дверцы, забрызганные краской, покрывающей их всё плотнее и плотнее от акварели к акварели. Содержимое шкафа было не менее интересным: на нижние, естественно, полки давили тяжелейшие тома Большой Советской Энциклопедии, переживавшие драму своего нестабильного существования. После сталинской кончины как понеслось: то и дело приходили листы на замену вместо тех, которые обязательно требовалось вырвать и уничтожить. Всяческие враги и к ним примкнувшие летели в ту самую дырку уборной. Чуть повыше красовались чудесные книги по искусству. Правда, одной из них не повезло: очень уж привлекли своими нарядами инфанты Веласкеса внимание нашей молодой няни Дуси, безжалостно вырывавшей репродукции картин с ними, за что и заплатила увольнением.

Полки повыше медленно заполнялись всевозможными собраниями сочинений, привозимыми папой по окончании продолжительных контрактов с театрами в Саратове, Брянске, Вильнюсе, Алма-Ате и др. городах. Говорят, что экстремальные условия генерируют невероятные идеи. Так и здесь, за фанерными стенами этой тесной комнатухи, рождались великолепные проекты. Создавались волшебные макеты для театральных постановок, задумывалось оформление павильонов среднеазиатских республик для ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставки) с коробочками хлопка и картинами лихих жеребцов. А однажды состоялась судьбоносная для серой Советской России встреча двух смелых художников (моего отца и редактора журнала "Декоративное искусство СССР" Михаила Ладура): они начали разрабатывать дизайн заводских и фабричных цехов (современникам хорошо известно, в каких унылых, ни к чему не стимулирующих помещениях трудились рабочие).

Помнятся мне и совещания художников-активистов по поводу строительства мастерских.

Тем временем наш замечательный барак перешёл в аварийное состояние, и мы, жильцы, медленно поднялись на следующий этаж социального лифта:

В КОММУНАЛКУ. Тазы, керосинки, чувство ужаса перед очередным посещением мною, девочкой, общественной бани – всё это забросили в самые далёкие уголки памяти, а любимый наш книжный шкаф отправился с нами в новую жизнь.

Вторая половина 50-х – начало 60-х

"Любое ремесло несёт в себе элементы, почти соприкасающие его с искусством, но искусство нигде и никогда не рождается без ремесла."
Ефим Ладыженский

Наступил счастливый период в творческой жизни моего отца: получена мастерская в районе Измайлово. В этой небольшой комнате, одной из, примерно, 100 разнящихся размерами (зависело это от степени государственного признания художника) мастерских, на 9-ом, последнем этаже многоподъездного жилого дома в виде буквы "П", папа сам построил антресоль ради экономии рабочих метров. Окна на

потолке, так называемые "фонари", буквально заливали её светом.

Мастерская в Измайлово

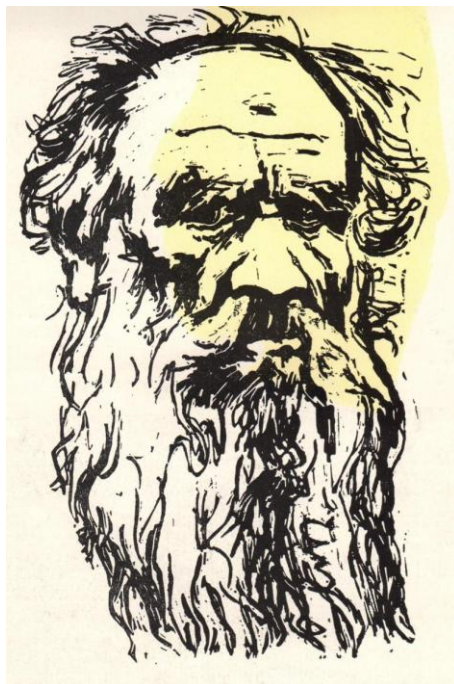
Теперь к моим радостям от посещения театра, кинотеатра, музея, библиотеки добавилась радость посещения папиной мастерской. Узкий коридор вёл к мастерским папиных друзей: Иллариона Голицына (да, да, одного из тех самых Голицыных, прямых потомков князей); Михаила Иванова (сына И.Бабеля, пасынка В.Иванова, брата выдающегося нашего современника – Вячеслава Иванова); монументалиста и живописца Коли Андропова (одного из первых, позволивших себе написать зелёную собаку на холсте); чудесного человека и очень профессионального искусствоведа Владимира Ивановича Костина, издавшего монографию о К.С.Петрове-Водкине; Владимира Вейсберга, человека абсолютно не приспособленного, тогда замученного, а сегодня почитаемого, с постоянной экспозицией в филиале музея им. А.С.Пушкина, в музее личных коллекций; Бориса Волкова, тогда главного художника Большого театра; четы Дмитриевых, керамистов,

добрых, любимых мною людей, живших в мастерской вместе с очень воспитанными тремя кошечками и

Валентина Ивановича Полякова, дяди Вали, самого близкого папиного друга. Во всех этих мастерских я побывала, с папой и без него. Мне посчастливилось увидеть и процесс творчества этих замечательных художников, и многие произведения задолго до того, как их выставляли перед массовым зрителем. Я становилась свидетелем некоего светлого таинства. И всё это придавало мне ощущение исключительности, что, безусловно, положительно повлияло на становление моей личности.

Художники много и плодотворно работали, прислушивались к советам друг друга, вели интересные профессиональные и на разные другие темы беседы, собирались в группу два-три раза в неделю, чтобы рисовать обнажённую натуру.

Папа пробовал себя в новых для него техниках, в том числе, в гравюрах на линолеуме, монотипии и в офорте. Иногда позволялось и мне водить с силой ложкой по специальной эстампной бумаге, чтобы все, самые тонкие, линии рисунка отпечатались на оттиске с линолеума.

Исполненный в этой технике портрет Л.Н.Толстого к 50-летию со дня его смерти был опубликован в 11 номере журнала "Юность" в 1960 году.

В 1961 году папу включили в группу контроля от Всесоюзного Театрального Общества (ВТО). В течение трёх лет драматурги, актёры и художники объезжали провинциальные театры по всей стране, смотрели их постановки и писали критические отчёты. Многие из зарисовок, сделанных папой во время этих поездок, позже, в мастерской, превращались в выразительные акварели.

И, наконец в 1962 году в ВТО на улице Горького в Москве состоялась персональная выставка художника Ефима Ладыженского, творческий итог тридцати лет. Кроме эскизов декораций, выставлялись эстампы и акварельная живопись.

Рига. Домский собор

Кизел

Селёдки

Больная мама

Причёсывается

1962 год – год драматических изменений в нашей семье.

Мой старший брат женился, оставил институт, не доучившись, и попал в армию. Для моих родителей это было настоящей бедой (они всё ещё не могли забыть его нежелание пребывать ни в каких казённых рамках, побЕги из пионерских лагерей). И действительно, немало дней и ночей мой брат провёл на гауптвахте за непослушание.

Ну, а если "пришла беда, открывай ворота": я легкомысленно отнеслась к вступительным экзаменам в какой-то институт и не прошла по конкурсу. Оработала год на мамином заводе-почтовом ящике, о чём ни капли не жалела: познакомилась там с девушкой, исполнявшей задумшевно все известные песни Булата Окуджавы.

Моя бабушка, папина мама, самый любимый его человек и непререкаемый авторитет, в возрасте 81 года окончательно переехала в Москву, покинув свой родной город Одессу навсегда.

О бабушке:

28 мая 1941 года у старшего папиного брата Володи в Одессе родился сын Гриша. Бабушка активно помогала молодой семье в течение нескольких недель, а 20 июня выехала в Москву: приближались роды второй невестки.

22 июня 1941 года бабушка, не раздумывая, возвратилась домой, в Одессу. И в тот же день папин старший брат отправился на фронт полевым врачом. Из окружения под Севастополем в 1942 году ему уже было не вырваться, но своих жену, ребёнка и родителей он спас от верной гибели, обеспечив их справкой-разрешением на эвакуацию. Судьба не погубила их под массивными бомбёжками и позволила добраться до маленького городка на Урале. Дядя Володя регулярно писал, успокаивал. А в лютую зиму 1942 года пришла горькая весть: "Полевой врач Ладыженский Владимир Бенционович пропал без вести в бою под Севастополем." Мой дедушка, ослабленный многолетней тяжёлой болезнью,

не выдержал такого горя. Бездыханный, лежал он несколько дней в сених на обледенелом сундуке, а бабушка не отходила от него ни на шаг, пока её не отвезли в больницу с отмороженными пальцами на ногах. После ампутации всех пальцев бабушка выучилась заново ходить. В последующие долгие годы жизни, отпущенные ей, ежедневные страдания напоминали ей о двух самых близких людях, так трагически безвременно ушедших. Но страдала она молча, ни с кем не делясь.

А удивительные письма от дяди Володи я не раз перечитывала, т.к. они хранились в семейном архиве.

Главной драмой того года был наш подъём ещё на один этаж социальной лестницы: мои родители в возрасте 51 и 47 лет получили двухкомнатную хрущёвку в московском районе Кузьминок, возле кузьминского лесопарка с голицынскими конюшнями и с озером, оставшимися от прежней усадьбы. Нам ещё долго не верилось, что в очереди в совмещённый санузел стояли только члены нашей семьи, что на плите варилась еда только в наших кастрюлях, что никогда больше мы не почуем мерзкой вони, не услышим воплей ссорящихся соседей. Совсем, ну совсем новая жизнь.

Совмещённый санузел

Через год одной "бедой" стало меньше в нашем доме: я поступила в самое лучшее учебное заведение – в МГУ им. Ломоносова, на мехмат. Папа не мог скрыть своё безмерное счастье еврейского родителя, чей ребёнок получит высшее образование, да какое! Я помню, как мы гуляли по кузьминскому лесу, а он трогательно пытался понять, что же такое этот таинственный корень квадратный.

Два последних живых спектакля, один по пьесе Д.Пристли "Скандалное приключение мистера Кетла и миссис Мун", поставленный замечательной актрисой Серафимой Германовной Бирман в Драмтеатре, а второй по пьесе А.Н.Арбузова "Потерянный сын" в филиале Малого театра были оформлены папой в 1964 году.

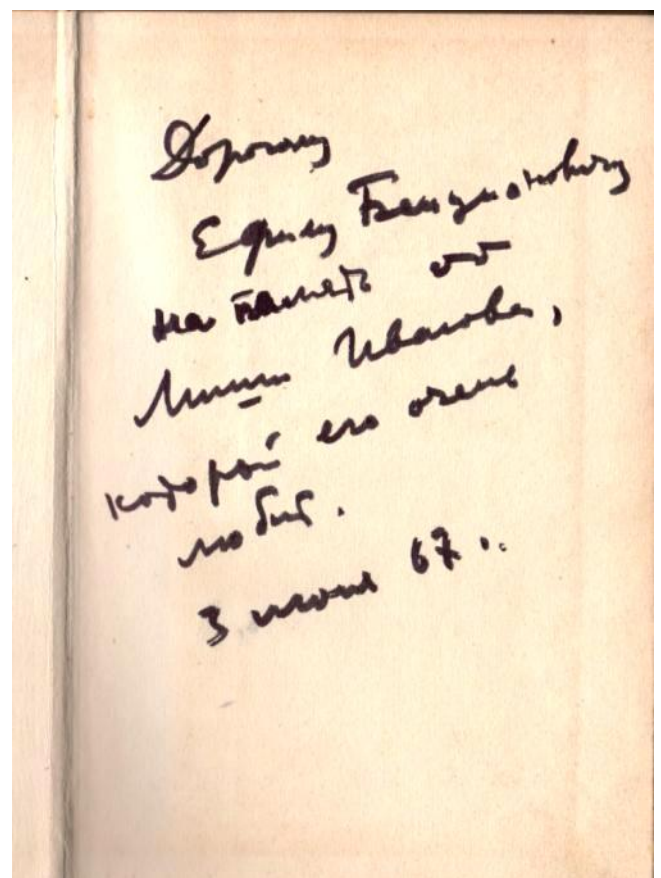
В том же, 1964, году случай спас моего отца от заключения. Мы, советские граждане, впрочем, и находились в настоящем заключении, т.к. государство денно и ночью с помощью преданных надсмотрщиков бдительно за нами следило. Рядом с мастерской папы в Измайлово жила семья коменданта. К нему стекался компромат. Из многих доносов на Ладыженского готовилось серьёзное дело, о чём сообщила влюблённая в него жена коменданта и посоветовала срочно куда-нибудь переехать. Как раз в эти дни (вот что значит СЛУЧАЙ!) замечательный график Владимир Иванович Козлинский вышел на пенсию и предложил художнику Ефиму Ладыженскому, которого он очень высоко ценил, свою великолепную, просторную мастерскую на улице Вавилова. И папа мгновенно согласился и переехал, таким образом, остановив сбор компромата на него.

1964 – 1970 годы

"Не следует бояться открыть
велосипед, зонтик или Америку.
Когда я открываю Америку,
я переживаю по-своему
счастье открытия, и это я открываю
свою Америку, а никто другой, и мне принадлежит
оригинальность открытия.
Ефим Ладыженский

Папа пишет эскизы декораций к пьесам, которые никем не будут поставлены: к пьесе "Умные вещи" С.Я.Маршака, к "Думе про Опанаса" Э.Багрицкого, к балету "Белеет парус одинокий" В.Катаева, к "Бане" Владимира Маяковского, к "В списках не значился" Бориса Васильева и к "Закату" И.Бабеля. Эскизы эти вовсе не эскизы, а серьёзные станковые картины, написанные темперой. Они выставляются на групповых выставках, пользуются большим успехом, многие из них приобретает министерство культуры и театральный музей им. А.А. Бахрушина.

В 1967 году происходит очень важное событие в жизни моего отца: Михаил Иванов, сын И.Бабеля, дарит книгу "ИЗБРАННОЕ И.БАБЕЛЬ" с дарственной надписью.

"К И.Э.Бабелю, замечательному писателю и моему земляку, я подступился не сразу. Он был недостижим, и это лишало меня веры в себя. Только в 1964 году, когда мне стало 53 года, и я уже был на 20 лет старше того Бабеля, который создал "Закат", я написал эскизы к этой глубоко правдивой пьесе. А позже мною была сделана сценическая интерпретация "Конармии" и написаны эскизы декораций, которые были выставлены на Всесоюзной выставке художников театра и

кино и на Биеннале в Сан-Пауло. Затем я начал работу над серией картин на темы этого выдающегося трагедийного произведения "Конармия" (темпера на картоне). Для меня оно было и остаётся тем же творческим родником, каким были для очень многих художников прошлого мифы, библейские сюжеты, легенды."

Из записок художника

Прищипа

Гедали 2

Пан Аполек

К середине 1968 года папа закончил эту живописную серию. Обрамил картины удивительными рамками из бересты, которые он изготовил сам и которые так соответствовали событиям, описанным И.Бабелем и художником Е.Ладыженским

Конечно, "Одесские рассказы" составляли значительную часть тома "ИЗБРАННОЕ". Ассоциации, неизбежно возникавшие при перечитывании этого произведения И.Бабеля, неожиданно для папы подвели его к идее начать новую (как потом оказалось, центральную в папином творчестве) серию, "Одесса моей юности".

Из записок художника Валентина Ивановича Полякова:

"...Я спросил у автора: "Как Вы работаете?" – "Как? Да просто беру холст и начинаю красить без предварительных эскизов или набросков. Все изменения, перемещения происходят на холсте. Эскиз бы меня связывал. Я ведь повествователь", - добавил он. Да, прекрасное слово – "повествователь". Прекрасное слово и трудное дело. Одесса Ладыженского – это его Одесса, и вместе с тем она удивительно похожа на себя. (Как Монмартр Утрилло или Прованс Сезанна.)

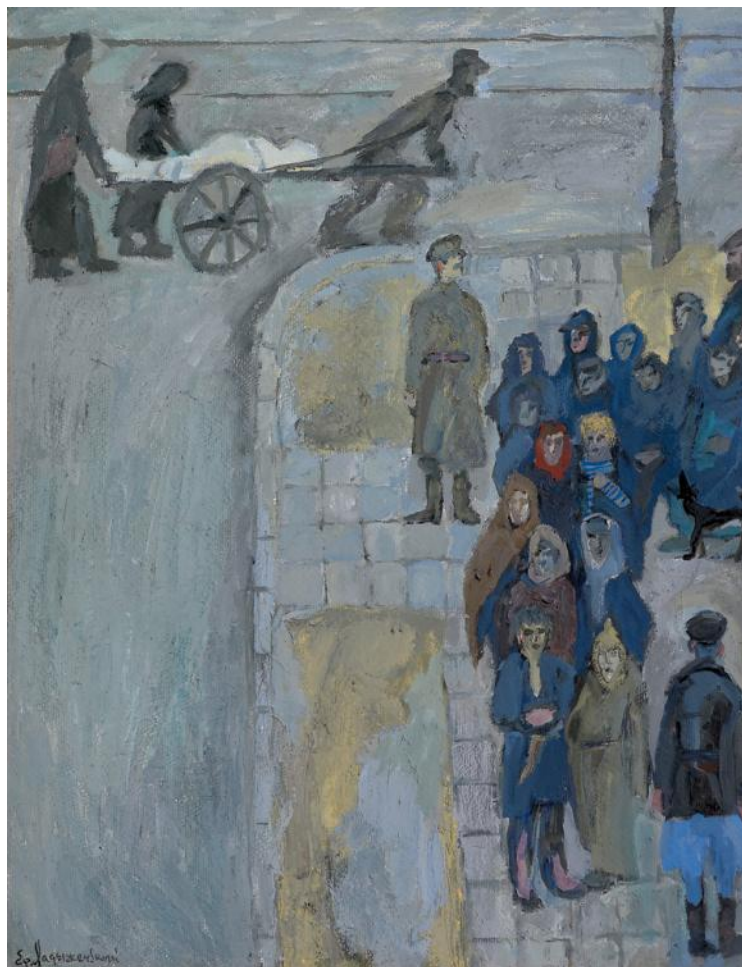
В Мекку через мой город

Заезжий двор

Зрелище

После ночной облавы

Синагога

Работал папа быстро. Феноменальная память ребёнка, наблюдательность, активное сопереживание происходящему на улицах и площадях города, природный юмор одесского юноши воссоздавали образ за образом, ситуацию за ситуацией. Горе и счастье, ремесло и отдых, молитва, рождение и смерть на холстах мастера не оставляли равнодушным зрителя, созерцавшего их.

Чиновники приняли решение: персональная выставка художника Ефима Ладыженского состоится в трёх залах Дома художников на Беговой улице в Москве в 1969 году.

Содержание ретроспективы:

- театр, эскизы декораций к непоставленным спектаклям
- "В старинных русских городах"
- портреты матери
- натюрморты
- И.Бабель "Конармия"
- "Одесса моих юных лет"

Чиновники, решение, выставка...

А что такое для художника выставка?

Выставка - это переживание, ни с чем несравнимое, это боль, это волнение, это диалог, это суд.

Настоящий художник еле доживает до открытия выставки.

А чиновники перерешили, да когда? За 2 дня до открытия. Они, когда увидели развешенных "Бабея" и "Одессу", вдруг вспомнили, что госполитика требует проявления антисемитизма. После 6-ти дневной войны Израиля с арабскими государствами Советский Союз был серьёзно озадачен победой израильтян, а попросту, обиделся на них и порвал всяческие с ними отношения. А к своим евреям по любому поводу и без повода предъявлял претензии.

Претензия к папе состояла в том, что слишком много евреев "геройствовало" в его картинах. Три недели шла борьба. Конечно, они не объясняли, почему следовало убрать определённые картины из экспозиции, но истинные причины были очевидны. Мне названивали члены худсовета с просьбой, чтобы я уговорила отца пойти на компромисс. Но я и не пыталась: именно папа воспитал меня уважать собственные принципы, и к тому же папина позиция была мне близка.

Чиновники сдались. Тот день мне не забыть. После очередного худсовета папа возвращается домой. Лицо красное, входит нервной походкой: "Завтра открытие!", и моя бабушка теряет сознание.

Это была не просто победа: диалог со зрителем состоялся.

Министерство культуры приобрело много работ с той выставки. Деньги папа отложил, тогда ещё не догадываясь, что они пойдут на оплату налога за его собственные произведения при выезде в Израиль в 1978 году.

1970 год

скончалась папина мама – моя бабушка. Папино сердце буквально не выдержало испытания разлуки с самым близким и бесконечно любившим его человеком. Инфаркт за инфарктом необратимо поражали его израненное сердце.

1971 -1978 годы

"Искусство рождается только
любовью и страданием
и познаётся и воспринимается душой
любящей и сострадающей"
Ефим Ладыженский

В 1971 году папа вышел на пенсию и, наконец, мог всего себя посвятить творчеству. Он приступил к сериям рисунков пером и чернилами на бумаге. В этой своей уникальной технике, требующей высочайшей степени концентрации и не

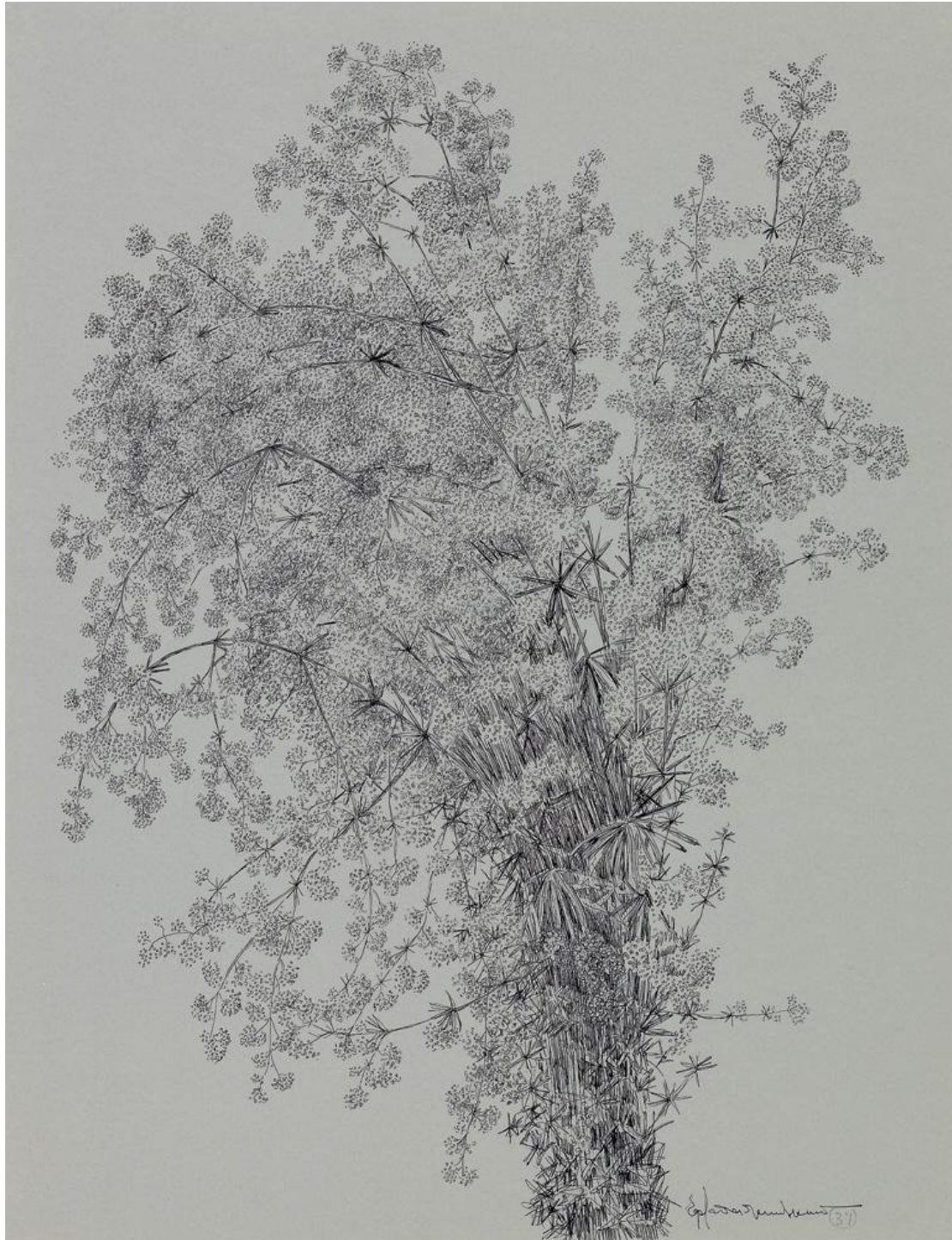
допускающей ни единой ошибки, Ладыженский достиг абсолютной виртуозности.

Так начала свою жизнь серия "Растения". Первыми "позировали" цветы, отличающиеся своей мощью: люпинусы, гладиолусы, сирень. Правда, мощь не защищала их от быстрого увядания, что удлинило папин рабочий день до 11 часов. Задачей посложней оказалась передача необыкновенного изящества золотых шаров, маков, боярышника. Затем наступил затянувшийся до самого отъезда в Израиль период "дикой природы".

Папа бродил по беспризорным пустырям, разбросанным вокруг здания с мастерскими, заросшим никем не замечаемыми сорняками. Перо мастера превращало невзрачные колючки, веточки, цветочки в "звёзд натюрморта".

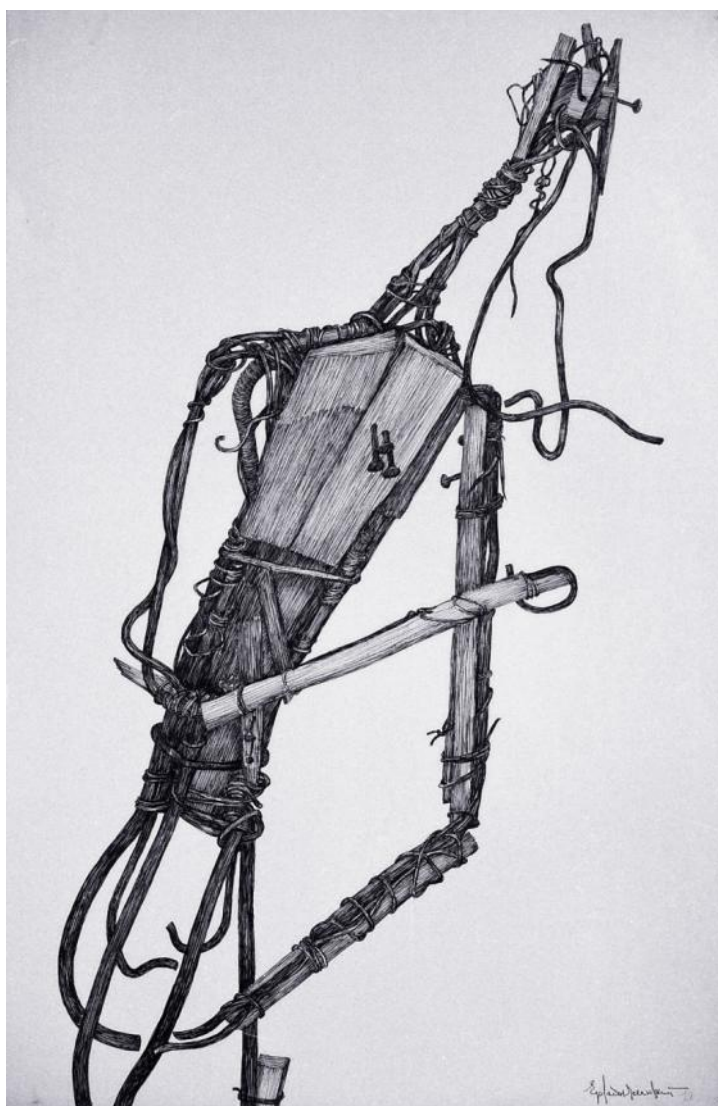

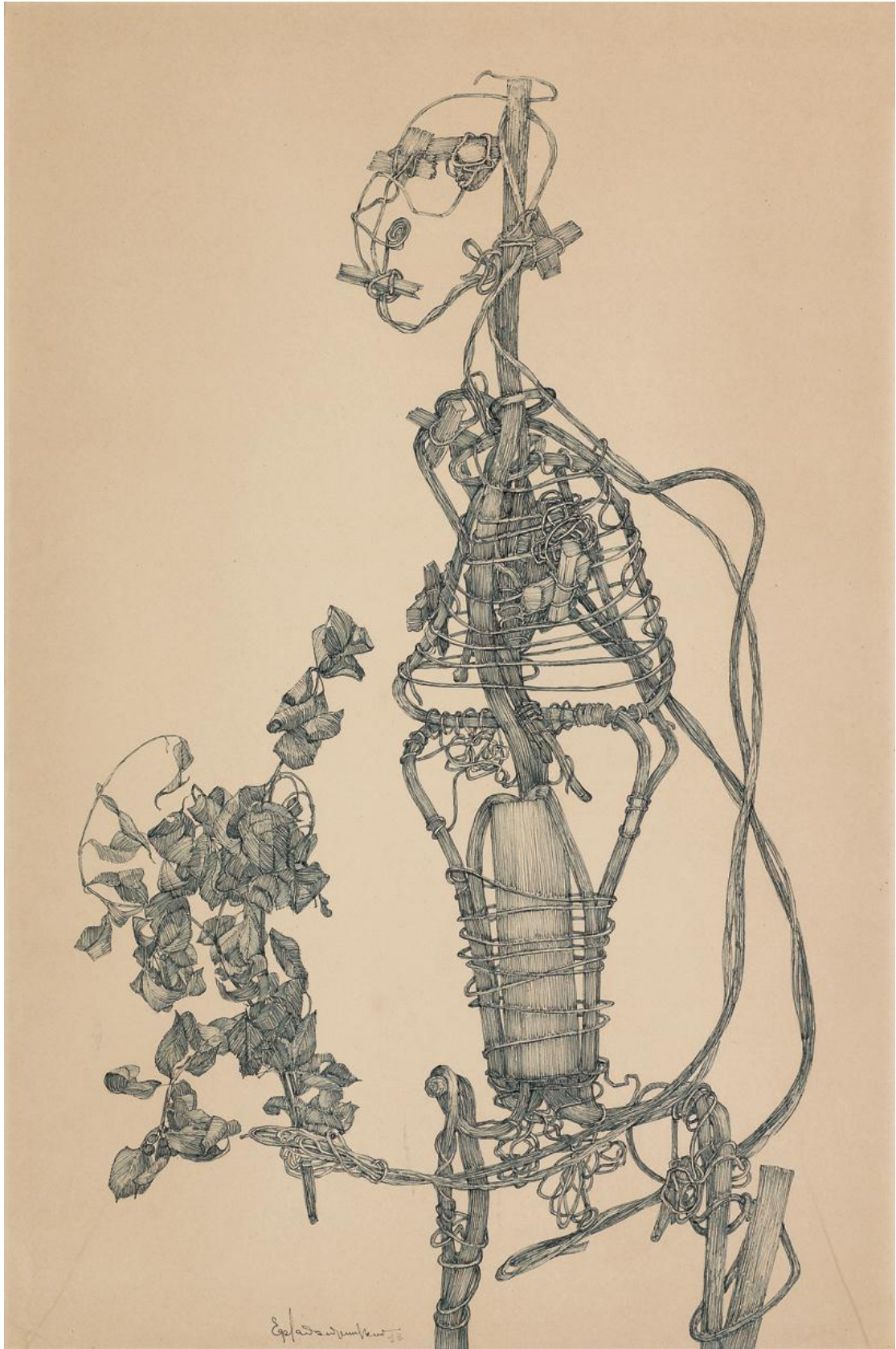

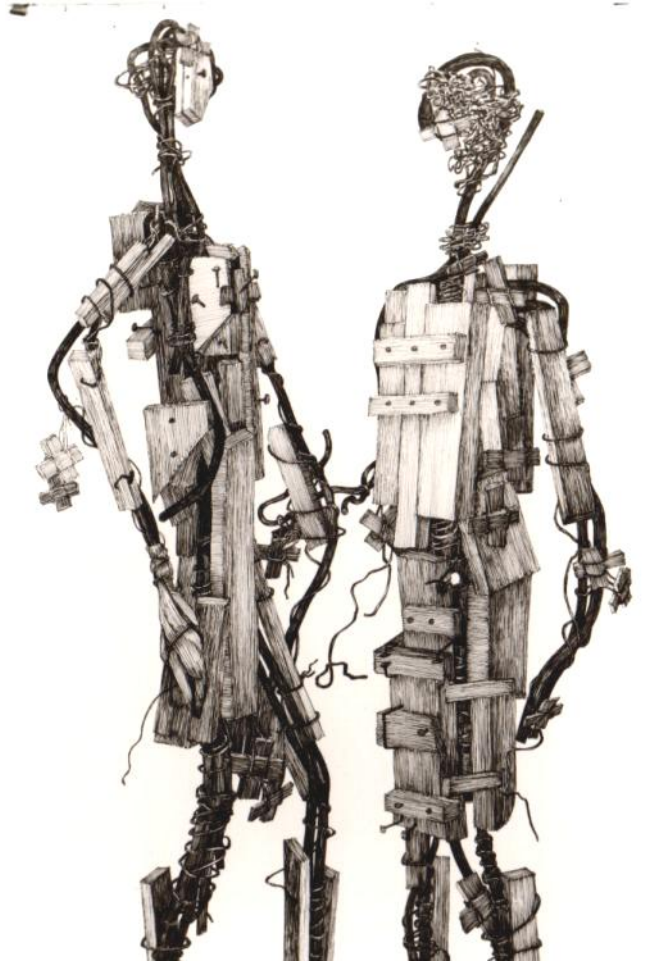

Историю возникновения серии "Каркасы" я люблю рассказывать. Расскажу её и на этот раз.

Мастерские скульпторов располагались на первом этаже. Папу давно привлекали своими причудливыми формами каркасы, основы всех скульптур. Не раз ему представлялся случай сравнить законченную скульптуру, например бездушный портрет какого-нибудь очередного вождя на заказ, и великолепный, полный загадочности, настоящий артефакт – КАРКАС. Такая натура захватывает дух, будит воображение.

Параллельно с "Каркасами", прозрачно отражавшими отношение художника к тусклой, застойной действительности, в которой пребывали советские люди в те годы, он написал полотно на ту же тему отчаяния и безысходности, вписывающееся в категорию концептуальной живописи:

" В парке "Кусково" ночью"

К счастью, одесские светлые образы раз от разу явно всплывали в памяти и, воплощаясь на холсте, скрашивали мрак, всё плотнее окутывавший душу.

1975 год был ознаменован выпуском альбома "Город моего детства" (редакция "Советский художник") с репродукциями картин из серии "Одесса моей юности". Это был очевидный знак официального признания Ефима Ладыженского как большого художника. Такое признание гарантировало приобретение министерством культуры картин, выставлявшихся на всех групповых выставках. В возрасте 64 лет папа смог, наконец, позволить себе купить настоящий холст, а не писать на обратной стороне холста с названием чьей-то выставки. Дело в том, что Роза Яковлевна, истинная поклонница папиного таланта и "по совместительству" ответственная за выставочный зал, расположенный между крыльями мастерских, каждый раз, по окончании очередной выставки тайком, отдавала ("дарила") Ладыженскому тот самый холст.

Конечно, и на Вавилова у папы было немало друзей. Хотя дружить с Ладыженским было непросто, особенно, после смерти матери, когда душа никак не находила успокоения. Например: папа начинал свой рабочий день рано утром, и если друг-художник, изображая богему, приступал к работе где-нибудь в 12 дня, да ещё его угораздило заглянуть перед этим в мастерскую Ефима (так все его звали), взгляд, полный глубокого пренебрежения, выставлял нерадивого за дверь. Но дружбой с Ладыженским продолжали дорожить за его преданность, за необыкновенный талант собеседника.

Немного о друзьях с "Вавилова":

- Владимир Осипович Роскин, живописец

"Наркомпроскин" - так звал его Маяковский. Англичанин - так звал его Нагибин. Волк - так звали его близкие. Его звали Владимир Роскин. Выпускник школы Рерберга и студии Машкова, один из создателей Окон РОСТА, ведущий оформитель международных советских выставок, художник-станковист, художник-график Владимир Роскин - имя, которое

ещё только предстоит открыть широкому кругу зрителей и профессионалов. И это несмотря на то, что его работы хранятся в крупнейших музеях мира: в ГМИИ имени А.С. Пушкина, в Государственной Третьяковской галерее, в Литературном музее в Москве, в Британском музее в Лондоне." (выставка "Окна роста Роскина")

- Наум Цейтлин, иллюстратор детских книг

Лучше всего художнику удавались книги для малышей:

«Сказки» братьев Гримм, «Что бывало» Б. Житкова, «А что у вас?» С. Михалкова и «Конь-огонь» В. Маяковского.

- Катя Григорьева (по кличке от Ладыженского - кеcele), живописец

"Катя художник достойный. Демократичный в самом лучшем смысле этого слова. Камерный, лиричный. Мне очень близко то, что она говорит, и что делает. Такая цельность личности, и как следствие - такая живописная свобода." (Художник, режиссёр Алдашин)

- Лушин Александр Федорович

С 1950 гл. художник Моск. муз. т-ра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Друг не из мастерских, искусствовед и художник Григорий Анисимов с теплотой отзывался о "посиделках у гостеприимного Ладыженского". Часто заходили искусствовед Юрий Осмоловский, главный художник театра им. Моссовета Александр Васильев, художник Вера Зайцева с мужем, прекрасным скульптором, Лёней Берлиным, театровед Ольга Пыжова и её муж драматург Геша, режиссёры Михаил и Соня Швейцеры (им папа подарил картину из одесской серии "В музее").

Швейцеры познакомили с папой Лору Яблочкину, работавшую на Мосфильме редактором. Она так полюбила "посиделки у Ладыженского", что однажды привела в его студию Тонино Гуэрра (её будущего супруга) и Антониони. Они не могли насмотреться на картины из одесского цикла. Антониони начертил крестики на подрамниках нескольких работ: "О! Как

бы я хотел их приобрести.", восклицая: "Как бы я хотел их приобрести!". Позже Тонино Гуэрра и Лора вывезли в Италию одну картину, пообещав попытаться там выпустить монографию о Ладыженском.

"Посиделки" каким-то косвенным образом привели в мастерскую и корреспондента **The New York Times** Дэвида Шиплера, впоследствии посвятившего Е.Ладыженскому статью в его газете и главу в своей книге *"Russia: Broken Idols"*.

Но "посиделок" художнику недостаточно, для настоящего диалога ему необходим массовый зритель, а перспектив персональной выставки по существовавшим тогда чиновничьим канонам не было никаких.

1977 год. Январь. Мучительнейшая ночь. Я помню полные страдания папины глаза. Скорая помощь. Реанимация. Обширный инфаркт.

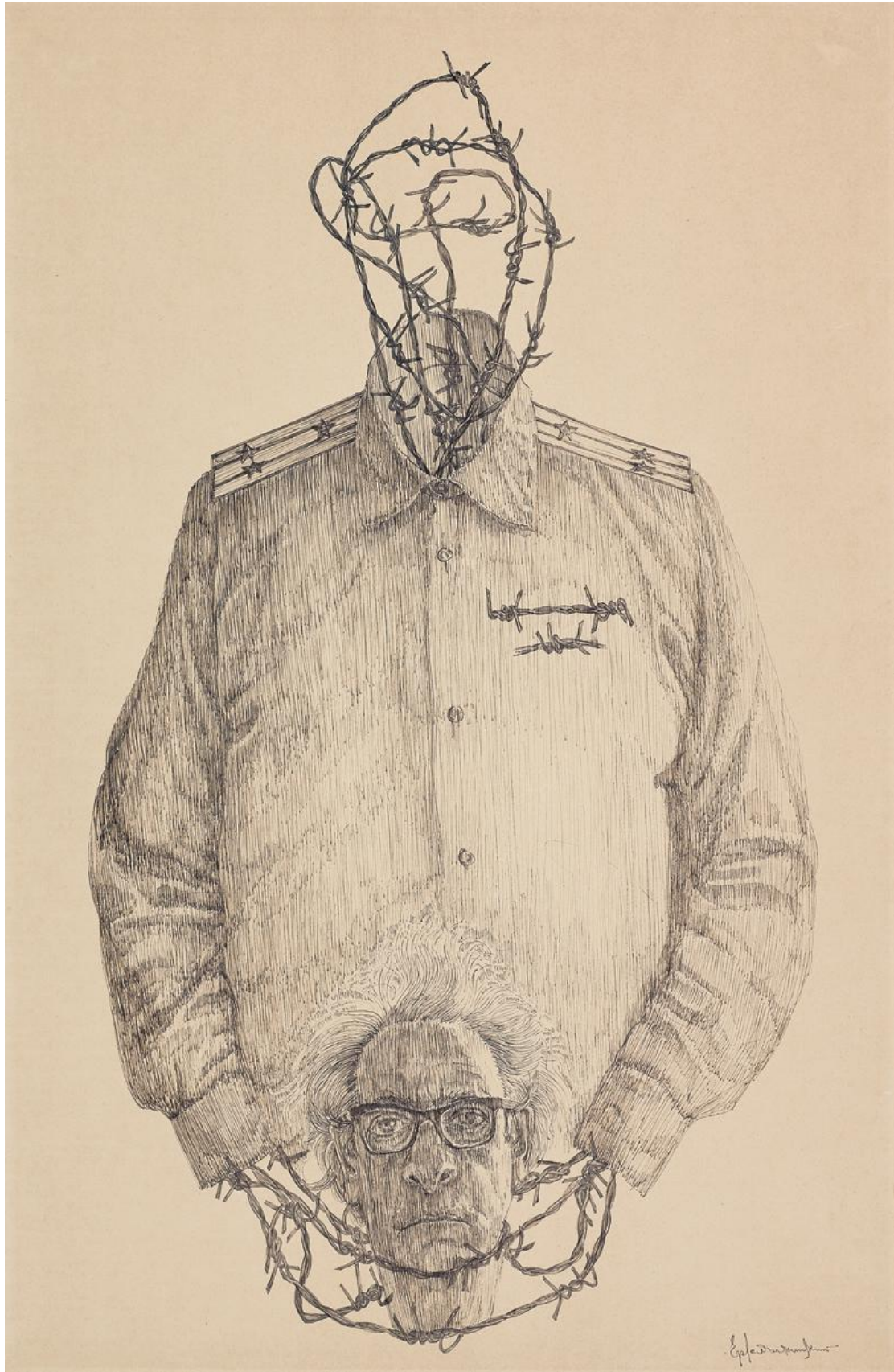
Я мельтешу по коридору с тремя рублями в кармане для медсестры, чтобы получше ухаживала за папой. Деньги так и остались в кармане: папино воспитание.

Состояние тяжёлое, без всяких изменений. Наконец, после очередной кардиограммы, наблюдавший отца врач обратился к нему:

- Я уверен, что смогу поставить Вас на ноги. Но мне нужна Ваша помощь. Скажите, что Вас мучает?

- Я всё время думаю. Должен ли я уехать в Израиль, чтобы мои картины не были погребены в запасниках министерства культуры?

В декабре 1977 года мои родители подали заявление на выезд. Началась 10-ти месячная пытка.

От комиссии по вывозу произведений художника ни – ни, ни слова информации. Потребовали освободить мастерскую. Началась СЕЛЕКЦИЯ, отбор акварелей, рисунков, темпер на уничтожение. 2000. Духовный акт убийства художника.

Через 10 месяцев, когда семью довели до полного отчаяния, власти выдали разрешение на выезд. Ретроспектива из 600 сохранённых картин и рисунков проходила в течение целого дня перед глазами поражённых таможенных служащих (сравнивают фотографии и оригиналы). По окончании процедуры – аплодисменты.

Сентябрь 1978 года – апрель 1982 года, Иерусалим

"Мною созданные произведения –
плод выстраданной жизни и упорного труда –
явно нужны людям и дождутся
своего вечного зрителя,
во что я глубоко верю
своим изломленным
и израненным сердцем."
Ефим Ладыженский

"И.Бабель
"Конармия"
Переход через
Збруч"

Папа сразу приступил к серии рисунков пером и чернилами по мотивам "Конармии" И.Бабеля. Это был его личный счёт с советской властью, забравшей живописную серию по Бабелю в свои "знаменитые" запасники. Большой размер, сложнейшие композиции, работа на износ. Но это был его способ хоть чуть-чуть забыться, унять душевную боль и тоску.

Гедали

Декабрь 1979 года – январь 1980 года.

В Музеон Исраэль в Иерусалиме состоялась персональная выставка Ефима Ладыженского "Одесса моей юности", 35 картин

На открытии выставки

Тот год отличался колоссальным наплывом туристов. Музеон Исраэль считался главной аттракцией Израиля. По неписаным правилам музея официально не сообщались данные художника, а посетители требовали. Взял на себя миссию раскрыть эту "гостайну" гардеробщик, человек справа на фотографии. Почти ежедневно в течение полутора месяцев происходили встречи художника с восторженными зрителями, в основном, туристами.

Великолепные отзывы ведущих критиков страны опубликованы в центральных газетах. Взяли интервью на новостном канале, оставив нам на память уникальные съёмки художника за мольбертом.

Так же успешно прошла выставка 65 картин из цикла "Одесса моей юности" и 18 рисунков новой графической серии "Конармия" в мае 1980 года в Хайфе в "Новой галерее", организованная искренним ценителем папиного творчества, профессором Авраамом Кампфом, основателем кафедры

искусствоведения в университетах Хайфы и Иерусалима (этот замечательный человек, внёсший огромный вклад в культурную жизнь Израиля и в культурные связи с США, Англией и Канадой в возрасте 91 года выставил теперь уже свои, небольшие скульптуры в выставочном зале в Эйн Ходе).

Пришли очень трогательные письма от московских друзей, растеребили душу.

Владимир Осипович Роскин:

"Здравствуйте дорогой Ефим Бенционович!

Уже около трёх недель, как я получил Ваше письмо. Оно меня очень обрадовало и в то же время огорчило. Обрадовало и очень – это открытие Вашей выставки и её большой успех. Я ни на минуту не сомневался, что выставка будет, и успех тоже. А огорчился я потому, что Вас нет, и я не могу Вас повидать и лично разделить с Вами это событие. Да, и вообще, Вас у нас в мастерских очень не хватает, а мне тем более... "

Геша и Ольга Пыжовы:

"Ефим Бенционович!

Это я. Вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем.

Часть жизни нашей и моей, и это уже не вспоминать называется, а жить прошлым, как бы прошедшим, но ничего не проходит, и теперь так – был, смотрел на Вас, слушал, смотрел Вашу живопись или рисунок, зная (т.е. и этим тоже жил), что на Вавилова в мастерской живёт Ефим Бенционович, к которому при настоящей душевной необходимости всегда можно доехать, потому что Вы всегда в мастерской (кроме воскресенья). Ефим поставит чай на электроплитке, достанет с полки стаканы, ложки, варенье домашней варки, печенье и т.д. и т.д. и главное – поговорим и посмотрим друг на друга и на Ефимову живопись, и от этого придёт чувство полноты жизни и даже смысла.

...Твой портрет повесили на стенку в укромном месте, возле книг и каждое утро здороваемся с тобой. Теперь ты образ, ты так суров и справедлив и требуешь – работай!

... Милый наш друг, в Черёмушках остался лишь рынок и Джоник с шашлыками и иконами.. – тебя нет и не будет, что очень печально и с этим трудно примириться.

...Я верю, что ты всё тот же – чудака, отшельник, упрямец и умник, что ты не дал себя причесать, что ты ничего не стерпишь слишком, что ты ругаешься и хлопаешь дверьми, что ты - скептик, способный так глубоко любить искусство и людей."

Сколько написано эмигрантами – людьми искусства о профессиональном одиночестве!

Работал папа в маленькой двухкомнатной квартире. Одна комната – мастерская, во второй – ряды картин и папок с рисунками. За три года в Израиле написаны живописные серии картин:

"Люблинское кладбище в Москве" или "Размышления о жизни и смерти" по определению одного литератора (на этом кладбище похоронена мать художника);

Крематорий для избранных

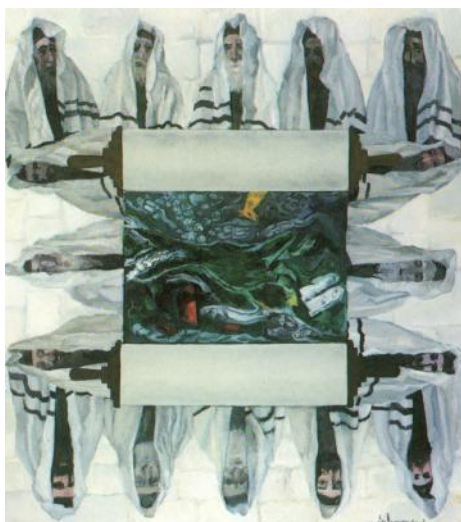
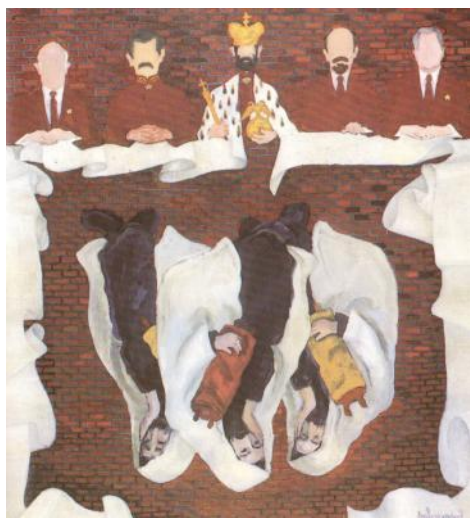

Ещё одна могила

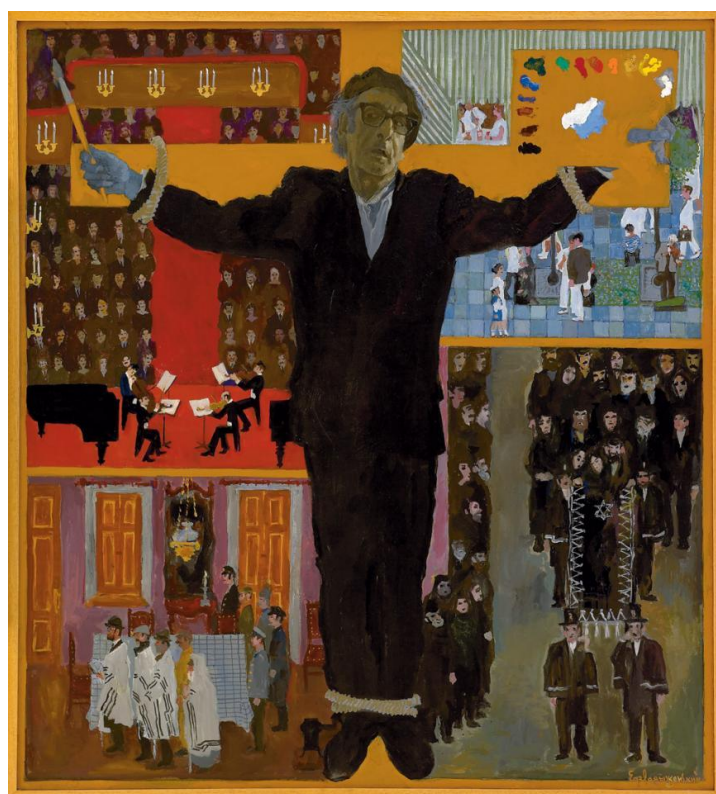

Поминки будут завтра

"Вечный жид" (вечная неуспокоенность еврейского народа переплетается с личной неуспокоенностью) ;

Нескончаемая летопись

Я в Иерусалиме

"Асенька в пересказе дедушки Ефима Ладыженского" (по рисункам моей дочери Аси);

Мой дедушка

Моя семья

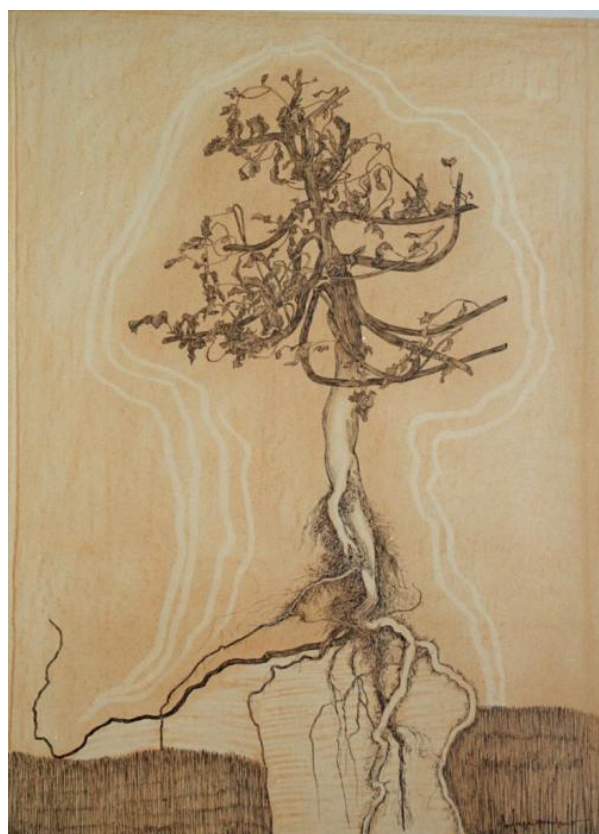

Робот и его дети

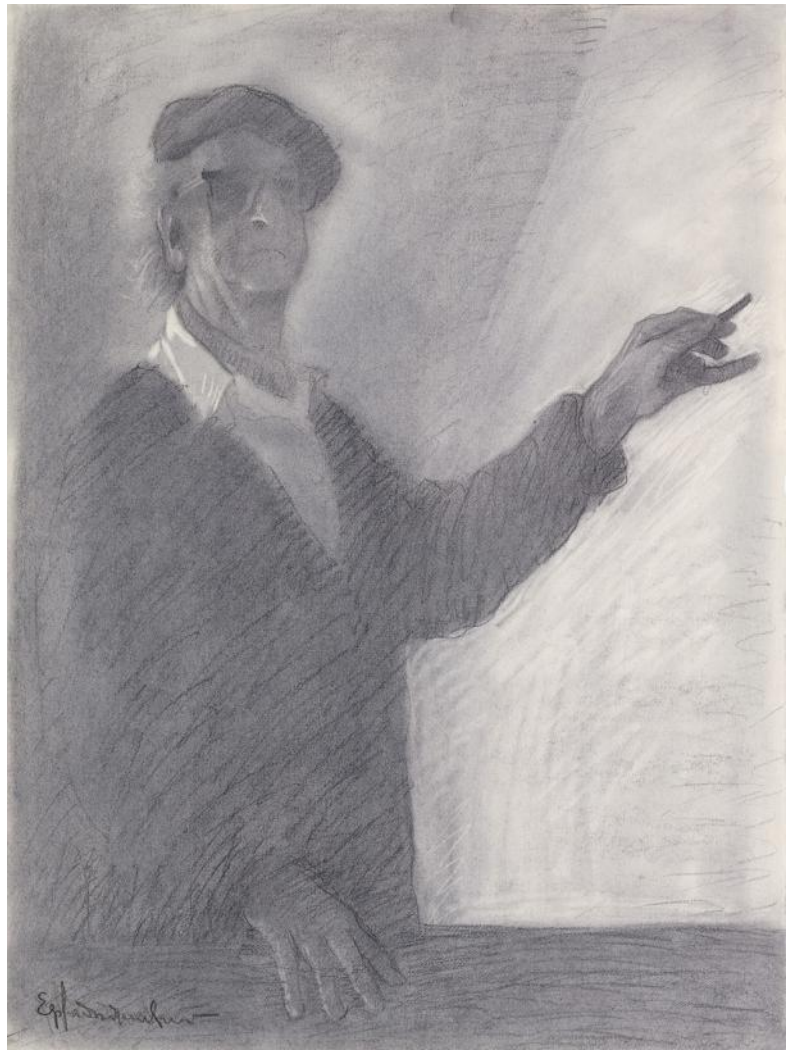
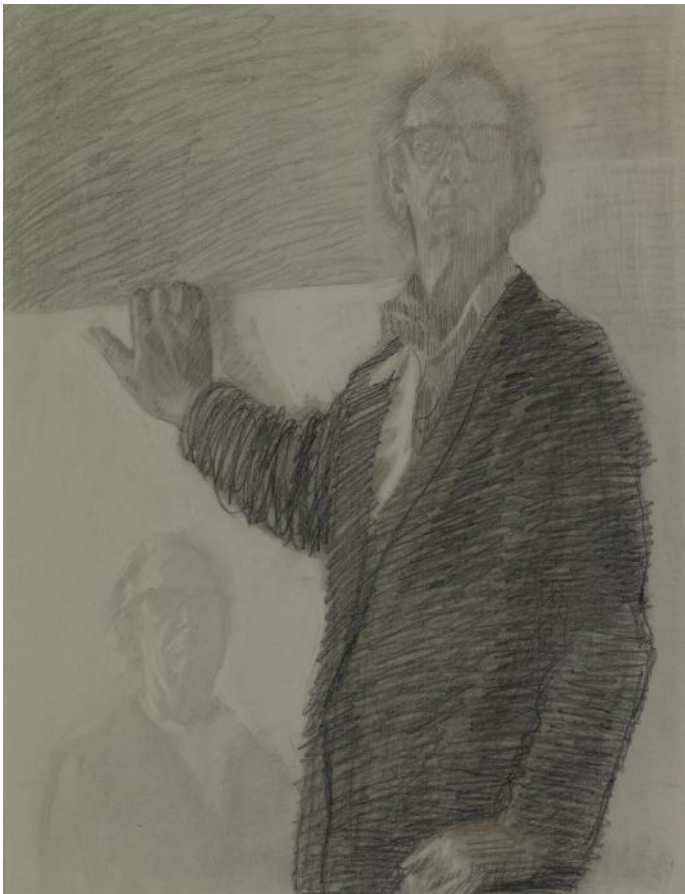
"Свет и тень" и "Паспарту" (нечто потустороннее)

И графические циклы
"Корни"

Автопортреты

Нереализуемые мечты о ретроспективной выставке и о выпуске серьёзного художественного альбома - монографии о его творчестве буквально прогрызли папину душу.

Депрессия!

Родственники, неимоверно устав от сопереживания близкому, страдающему депрессией, приходят, зачастую, к выводу: "депрессия - это химия, страдания на пустом месте."

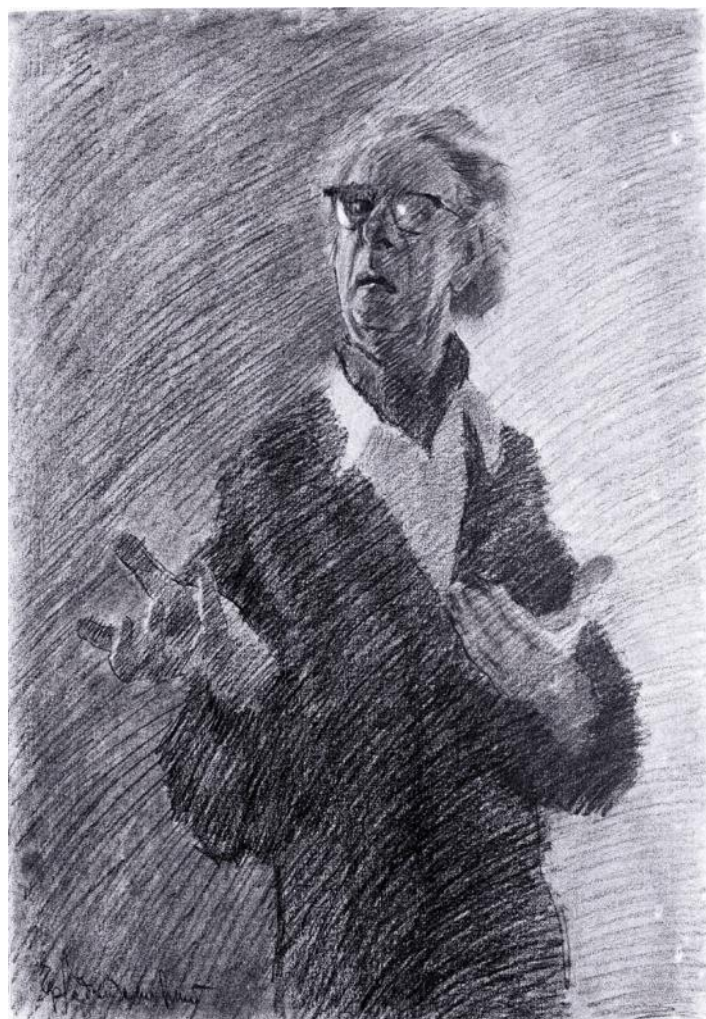
Да, папа страдал от депрессии, только не на пустом месте:

невыносимая тоска по любимой, ушедшей матери,

неиссякаемое творчество, толкавшее художника на создание всё новых и новых произведений

и, одновременно, нарастающие ужас от собственной беспомощности и ненависть к непонимающему по его глубокому ощущению окружению (он своими изобразительными средствами уже давно, по-мунковски кричит, но никто его не слышит), окрашивавшие произведения в такие тона, что самому автору становилось страшно.

3 апреля 1982 года трагически ушёл из жизни художник Ефим Ладыженский.

Виктория Ладыженская
март 2013 года
редакторы
Гриша Ладыженский
Александр и Ирина Верник